

ПОСТСОВЕТСКИЕ МЕСТА ПАМЯТИ

УДК 94(470):323

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-125-137

Ссылка для цитирования: *Колоницкий Б. И., Мацкевич М. Г.* Ленин как «место памяти» постсоветской России. Память о политике и память о мемориальном проекте // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 125–137.

ЛЕНИН КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. ПАМЯТЬ О ПОЛИТИКЕ И ПАМЯТЬ О МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ¹

Б. И. Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1;
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, 7

Boris_i_kol@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9862-170X

ResearcherID: E-7279-2015

Scopus Author: 25625139000

М. Г. Мацкевич

Социологический институт ФНИСЦ Российской академии наук, 190005, Россия, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25

m.matskevich@socinst.ru

ORCID: 0000-0003-1310-3466

ResearcherID: Q-1119-2017

Scopus Author: 6508215994

В статье рассматривается судьба коммунистического мемориального проекта, в центре которого была фигура В. И. Ленина. В качестве теоретической рамки используются идеи П. Нора («места памяти») и Я. Ассмана («культурная память», «коммуникативная память»). В качестве источников используются данные опросов общественного мнения, стенограммы выступлений государственных деятелей, материалы СМИ и интервью с акторами памяти, взятые авторами. Культ Ленина, важный для формирования советской идентичности, был следствием конфликтов и компромиссов и использовался порой непредсказуемым для его создателей образом. Косвенно в его создании участвовали оппоненты и открытые противники коммунистов. Авторы предлагают свои объяснения того, что сегодня память о Ленине и революции не воспринимаются как актуальный ресурс ни одним из значимых политических акторов. Современное российское общество расколото в оценках исторической роли Ленина, однако при этом большинство граждан выступает против демонтажа советского мемориального проекта. Память о Ленине ассоциируется не с историческими событиями, а с советским мемориальным проектом. На отношение к советскому мемориальному проекту влияет и «антиреволюционный консенсус»: большинство россиян отвергает революцию как перспективу развития страны, но отвергается и такая символическая политика, которая воспринималась бы как революционная. Это блокирует политику радикального демонтажа советского мемориального проекта. Фигура Ленина и революционные события 100-летней давности не пробуждают в обществе ярких и сильных эмоций, в отличие от памяти о репрессиях или памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: «места памяти», Ленин, культ Ленина, советский мемориальный проект, культурная память, коммуникативная память, «антиреволюционный консенсус».

Введение

Исследовательский проект Пьера Нора посвящен «местам памяти» Франции. Они определялись как «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля

людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [Nora, 1992, p. 20]. «Места памяти» – места в географическом, временном или символическом пространстве – инструменты сборки идентичности. Связь «мест памяти» с памятными местами может быть неявной и опосредованной: «местами памяти» становятся люди, предметы, книги, песни, окруженные символической аурой.

Проект Нора, в котором участвовали известные французские ученые, оказал воздействие на историков и социологов, антропологов и политологов, но понятие «места памяти» нельзя считать строгим, однозначно понимаемым термином. Удачная концептуальная метафора имела потенциал разнообразного применения и развития, что и способствовало ее широкому распространению в бурно развивающихся *memory studies*, привлекающих представителей разных дисциплин, но лишенных общего методологического аппарата и единой теоретической рамки [Olick, 2008].

Под влиянием проекта Нора появились попытки изучить «места памяти» Германии, Голландии, Италии, а под редакцией Жоржа Нива вышла книга, посвященная «местам памяти» России [Les sites de la mémoire russe, 2007]. Началось монографическое изучение российских «мест памяти»: так, Ф. Б. Шенк изучал память об Александре Невском [Шенк, 2007], используя понятие «культурная память», предложенное Яном Ассманом [Ассман, 2004].

Я. Ассман употребляет понятие «коллективная память», введенное французским социологом М. Хальбваксом, различая внутри него коммуникативную и культурную память. Последняя служит выработке представлений о смысле существования сообщества, идеалов и норм поведения. Коммуникативная, актуально-оперативная память сохраняет исторический опыт на протяжении трех-четырех поколений свидетелей событий и людей, с ними общавшимися. Содержание памяти культурной – мифологическая предыстория, события в абсолютном прошлом, это память об «истоках» и «началах», связанная с традицией и властью. Коммуникативная память – слабооформленная, естественная, возникающая во взаимодействии людей. Память культурная – в высокой степени оформленная ритуальная коммуникация. Коммуникативная память опирается на личный опыт и устные рассказы. Культурная память передается с помощью символической кодировки и инсценировки специализированными носителями традиции (сказители, жрецы, летописцы, историки). Первичные формы организации культурной памяти – обряд и праздник, она формирует идентичности, делает возможным воспроизводство «сообщества памяти».

Я. Ассман использует понятие «культурная память» для описания многовекового развития культур древности, но его подход применим и к изучению не столь давних эпох. Мы используем понятия Я. Ассмана для изучения культурной памяти о событиях 100-летней давности, поэтому и понимаем их несколько иначе: культурная память о Ленине начала формироваться еще при жизни вождя большевиков, она сосуществовала с памятью коммуникативной.

Коммуникативная память о Ленине исчезает: умерли современники вождя, уходят люди, общавшиеся с людьми, знавшими его. Политические преобразования второй половины 1980-х гг. совпали с изменениями коллективной памяти, которые обуславливались демографическими причинами. Память культурная все менее поддерживалась памятью коммуникативной, что меняло среду существования мемориального проекта.

Мы пытаемся изучить память о Ленине в современной России, используя термины, предложенные П. Нора и Я. Ассманом. Хотя теоретический аппарат *memory studies* обогащается с каждым годом, для задач нашего исследования достаточно обращения к этим основополагающим трудам.

В 1996 г. американская исследовательница культа Ленина Нина Тумаркин писала: «...Ленин десакрализован, демонизирован, дискредитирован, осмеян, коммерциализирован и, наконец, реабилитирован для нужд “обновленной” Российской Коммунистической партии середины 90-х годов» [Тумаркин, 1997, с. 7]. Так ли это? Коммерциализация бросает вызов сакрализации, но рыночное использование образов вождя часто свидетельствует и о спросе на них (продукт «Ленин» востребован, он «продается» и «покупается»), а продолжающиеся попытки демонизации Ленина свидетельствуют об актуальности его десакрализации: он остается для кого-то сакральной фигурой. Значит ли это, что место памяти «Ленин» сохранено, хотя и подверглось «перестройке»?

Для ответа на этот вопрос мы привлекаем данные опросов общественного мнения. Этот источник не лишен ограничений в использовании: организаторы опросов порой десятилетиями сохраняют формулировки вопросов, поставленных их предшественниками в иной исторической ситуации. Ответы на вопросы не позволяют судить об актуальности и эмоциональной значимости темы опроса для опрашиваемых.

Другими источниками являются публичные выступления политических и общественных деятелей, публикации СМИ.

Наконец, мы используем интервью, взятые нами в 2018–2020 гг. для изучения отношения жителей России к 100-летней годовщине революции 1917 г. Мы опрашивали исследователей, которые не могли не следить за юбилеем (историки, социологи, антропологи и др.), и тех, кого мы называем «пользователями» юбилея: авторов книг, опубликованных в этом году, директоров книжных магазинов, музейных работников и др. Всего нами взято 60 интервью, большая часть опрашиваемых работали в Москве и Санкт-Петербурге, но некоторые информанты жили в других городах и странах.

Ленин как советское «место памяти»

Можно ли считать Ленина советским «местом памяти»? В СССР основатель «государства нового типа» представлял «значимое единство», превращенное в символический элемент наследия памяти «новой исторической общности» – «советского народа». Память о Ленине формировала идентичность на основе мифологизированной истории, она была важным элементом культурной памяти, а память о революции, частью которой была память о Ленине, была «мифом основания» для СССР.

Основы для реализации этого мемориального проекта закладывались при жизни Ленина, новая фаза сакрализации вождя началась после его смерти в 1924 г. Процесс зарождения культа вождя изучен историками [Tumarkin, 1983; Ennker, 1987; Velikanova, 1996; Великанова, 2001].

Большевицкие лидеры конкурировали, создавая выгодные им варианты биографий и образы вождя. Образ Ленина использовался и как инструмент борьбы против коммунистов, можно вспомнить крестьян-повстанцев времен Гражданской войны, которые противопоставляли «хорошего» Ленина «плохому» Троцкому, и бастующих рабочих Новочеркаска, которые в 1962 г. несли портреты Ленина во время демонстрации, расстрелянной войсками, и другие протестные акции [Козлов, 2010, с. 109, 222, 240, 302–303, 377–378]. Слова Ленина и его образы были инструментами протестной мобилизации.

Тиражированию образов Ленина опосредованно способствовали и его противники. Термин «ленинцы» в 1917 г. использовался для дискредитации лидера большевиков, лишь со временем он стал употребляться для самоописания его сторонниками [Колоницкий, 2017, с. 413–431; Аксенов, 2020]. Попытки делегитимации Ленина провоцировали контрпропагандистские усилия коммунистов по защите своего вождя. Место памяти «Ленин» обустроивали и его поклонники, и его враги, влиявшие друг на друга; среди них были и лауреаты Ленинских премий, и известные антикоммунисты, и юные ленинцы, и рассказчики анекдотов (нередко одни и те же люди в разных ситуациях выступали в разных качествах). Без множества образов Ленина – положительных и отрицательных, парадных и карикатурных, романтических и гротескных – невозможно представить культуру XX в.; художники и писатели, кинематографисты и музыканты, исследователи и общественные деятели с разной степенью искренности и таланта вносили свой вклад в реализацию этого мемориального проекта.

Тактика легитимации собственных проектов способствовала появлению новых идей. В 1920-е гг. исследователи-формалисты обращались к фигуре Ленина для обоснования своих представлений о природе поэтического языка [Калинин, 2018]. Формалисты выступали против создания культа Ленина, однако конфликты вокруг канонизации способствовали обустройству места памяти «Ленин». Это важный, но далеко не единственный проект интеллектуального воздействия текстов Ленина. Без понимания их разнообразного использования – использования не всегда искреннего, но прагматичного – мы не можем понять интеллектуальные поиски советских и постсоветских обществоведов и гуманитариев.

Культ Ленина проникал и в личную жизнь. В 1920–1940-е гг. имя Владимир было самым популярным мужским именем в СССР, в 1924 г., после смерти лидера большевиков, увеличилось число новорожденных мальчиков, получивших это имя. Немало детей получали «револю-

ционные» имена, при их создании часто использовались имя, отчество и фамилия Ленина: Владлен, Вил, Марлен, Нинель (зеркальное прочтение фамилии вождя) – самые известные. Встречались и редкие имена, свидетельствующие об особой инициативе родителей, а обстановку внутривнутрипартийных дискуссий 1920-х гг. отражали имена, включавшие имена другого вождя: Тролен, Малентро. На смену им пришли имена, использовавшие фамилию другого нового лидера: Стален, Мэлс [*Kolonitskii*, 1993; *Колоницкий*, 2011].

Антисталинский курс XX съезда КПСС оформлялся как возвращение к «ленинским нормам». М. С. Горбачев провозглашал перестройку как возвращение к «подлинному» Ленину, тексты лидера большевиков использовали и оппоненты генерального секретаря ЦК КПСС¹. Вследствие «гласности» появилась возможность дискредитации Ленина с помощью художественных акций, которые вызывали протесты людей, возмущенных «кошунством». Резонанс вызвала в 1991 г. телепередача с участием С. Курехина, который, намеренно эпатируя аудиторию, «доказывал», что Ленин был... грибом. Память об этих профанизирующих выступлениях, выворачивающих наизнанку советский канон, становится элементом культурной памяти о перестройке [*Yurchak*, 2017]. Ленин оставался полем конфликта: «место памяти» посещалось, разрабатывалось, разрушалось, перестраивалось. Азартная деконструкция образа Ленина предполагала знание «места памяти», а разрушение и перекодирование образов вождя лишь фиксировали культурную топографию мемориального проекта, который получал тем самым новую жизнь.

Сохранился ли Ленин как «место памяти» после распада СССР?

Ленин в оценках жителей России

В декабре 2019 г. президент Российской Федерации В. В. Путин возложил на Ленина ответственность за репрессии советского периода и обвинил его в реализации антироссийского политического проекта: «Он придумал, теперь мы не можем понять, что делать с Бутовским полигоном и как выстроить там работу, чтобы люди не забыли про то, кто там лежит в земле.

Вот он напридумывал, вот он создал государственную структуру, заложив мину под российскую государственность, которая складывалась тысячу лет, – придумал» (Заседание Совета по развитию гражданского общества..., 2019).

Это было не первое негативное публичное высказывание В. В. Путина в адрес Ленина, они выглядели как экспромт, а, возможно, и были таковыми².

Президент Российской Федерации публично высказывал свое мнение, но воздерживался от инициирования масштабных акций символической политики, оформляющих заявленную позицию. В 2017 г. президент осторожно формулировал свое отношение к событиям 100-летней давности, не участвовал в мемориальных акциях, прямо посвященных юбилею революции, и воздерживался от критических замечаний в адрес Ленина. Накануне президентских выборов 2018 г. было тактически неверно дразнить ту часть электората, которая положительно воспринимает роль большевиков и Ленина, гордится революцией и/или ностальгически вспоминает СССР. О влиянии подготовки к выборам на юбилей говорили и некоторые опрошенные нами эксперты.

В последнее время В. В. Путин продолжает негативно характеризовать Ленина, это связано прежде всего с российско-украинскими отношениями. Теперь его выступления не выглядят как импровизации. На большой пресс-конференции 23 декабря 2021 г. он обвинил Ленина в произвольном и несправедливом определении границ советских республик: «Или что, мы должны были совсем безвольно смотреть на то, что происходит на юго-востоке, в Донбассе, который изначально, даже при организации Советского Союза в 1922–1924 годах, не мыслил себя иначе как частью России? Но его туда Ленин с сотоварищами затолкнули силой» (Большая пресс-конференция Владимира Путина, 2021).

В своем важнейшем политическом обращении 21 февраля 2022 г. президент Путин упоминал Ленина (слова «Ленин», «ленинский») не менее десяти раз. В нем вновь звучала тема искусственного создания Украины Лениным: «...современная Украина целиком и полностью была создана Россией, точнее большевистской, коммунистической Россией. Этот процесс начался практически сразу после революции 1917 г., причем Ленин и его соратники делали это весьма грубым по отношению к самой России способом...» (Обращение Президента Российской Федерации, 2022).

Президент вновь заявил, что ленинский план создания СССР породил впоследствии условия для распада сверхдержавы: «С точки зрения исторических судеб России и ее народов ленинские принципы государственного строительства оказались не просто ошибкой, это было, как говорится, гораздо хуже, чем ошибка» (Там же).

Вновь В. В. Путин отметил, что Ленин является автором плана создания современной Украины: «Собственно, как уже сказал, в результате большевистской политики и возникла советская Украина, которую и в наши дни можно с полным основанием назвать “Украина имени Владимира Ильича Ленина”» (Там же).

Обвинения главы государства в адрес Ленина могли бы означать начало нового этапа отношения к советскому мемориальному проекту. Однако этого не произошло. Более того, в украинских городах и селах, взятых под контроль российской армией, восстанавливались некоторые памятники Ленину, демонтированные ранее вследствие политики «декоммунизации» (Война памятников..., 2022).

Чем можно объяснить эту ситуацию, которая кажется парадоксальной?

Память о революции, элементом которой является память о Ленине, не воспринимается ни Путиным, ни другими политическими акторами, в том числе и оппозицией, как память, пригодная для использования. Отчасти это объясняется отношением жителей России к Ленину и революции.

Вождь большевиков россиянам известен, его воздействие на историю оценивается высоко. Согласно опросам Левада-центра³, Ленин уже десятки лет входит в пятерку «самых выдающихся людей всех времен и народов». Правда, в 1989 г. так считало 72 % опрошенных, в 2021 г. – 30 %. Сейчас Ленина «обгоняет» Сталин (39 %), но от него отстает Петр I (19 %) (Самые выдающиеся личности..., 2021).

Многие жители России оценивают Ленина позитивно. Так, на вопрос Левада-центра: «Какую роль, на ваш взгляд, сыграл Ленин в истории нашей страны?» – в 2017 г. более половины респондентов (56 %) с той или иной степенью уверенности выбрали ответ «положительную»; «отрицательную» – выбрали 22 % (Владимир Ленин, 2017). Впрочем, безразличие стало самым популярным вариантом личного отношения к Ленину (34 %). Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) использовал иную формулировку: «Сегодня высказываются разные точки зрения о В. И. Ленине. Одни считают, что он сыграл положительную роль в истории России, другие – что отрицательную. С каким мнением вы согласны?». В 2020 г. 56 % согласились с позитивной оценкой, 20 % – с негативной (150-летие Ленина, 2020); от возраста респондентов оценки почти не зависели. ВЦИОМ задавал вопрос иначе: «Как вы считаете, деятельность Ленина принесла России больше пользы или вреда?». В 2016 г. 31 % опрошенных считали, что «больше пользы», «примерно поровну и пользы, и вреда» – 35 %, «больше вреда» – 23 % (Ленин жил..., 2016). В 2022 г. соотношение стало более благоприятным для памяти Ленина: негативно оценивают его деятельность 21 %, позитивно – уже 37 %, «примерно поровну пользы и вреда» – 32 % (Ленин жив?..., 2022).

Показательно отношение к современникам Ленина. По данным ФОМ, Николая II в 2017 г. положительно оценивали 53 % опрошенных (Ленина – 52 %), а отрицательно – всего 14 % (Ленина – 26 %) (Революция..., 2017). В исследовании ЦИРКОН 2018 г. (Ценностная социализация..., 2019) респондентам задавался вопрос об их отношении к российским деятелям XX в. Ленин по популярности (44 % положительного отношения против 17 % отрицательного) почти не уступил Сталину (46 % и 19 %, соответственно) и немного опередил Николая II (41 % и 9 %, соответственно). Отношение к Ленину и Николаю II положительно коррелировано, т.е. те, кто положительно оценивает Ленина, вероятно, будут так же относиться и к последнему царю. Эту тенденцию Г. Кертман описал в 2014 г., опираясь на данные ФОМ [Кертман, 2014]. Это может объясняться тем, что отдаленное прошлое воспринимается как нечто целое, «наша история». Такому «целостному» отношению способствуют и снижающийся уровень исторических знаний, и уменьшение эмоциональности в отношении ко многим событиям прошлого.

За последние десятилетия проведены сотни исследований, в которых затрагивается тема исторической роли Ленина и/или личного отношения к нему респондентов. Уровень позитива и

негатива может колебаться в зависимости от формулировок вопросов, используемой шкалы (какие варианты ответа предлагаются респонденту), контекста опроса (какие вопросы задавались до этого), от того, спрашивали ли респондента только о Ленине или ему предлагали длинный список исторических деятелей разных времен. Важнее отметить тенденции, чем вдаваться в подробный анализ и сопоставление данных, полученных разными компаниями.

Преобладают положительные оценки роли Ленина. После спада в первой половине 1990-х гг. их доля немного растет или остается стабильной. Идею убрать памятники Ленину с площадей и улиц одобряют 7 %, не одобряют 83 % респондентов, а 10 % затруднились дать определенный ответ (150-летие Ленина, 2020). Меньше желающих блокировать топонимические преобразования: 76 % выступают против переименования носящих имя Ленина улиц и площадей. Это означает, что против демонтажа мемориального проекта «Ленин» выступают и те, кто не оценивает деятельность исторического деятеля позитивно.

На основании опросов сложно делать обобщающие выводы, но не приходится говорить о преобладании тренда демонтажа советского мемориального проекта, в центре которого находится фигура Ленина. В обществе нет единства в оценке лидера революции, но существует некоторый консенсус в отношении мемориального проекта «Ленин». Вместе с тем отсутствуют значимые общественные дискуссии, касающиеся фигуры Ленина. Не возникают они и в связи с резонансными высказываниями политиков, критикующих Ленина. Не провоцируют дискуссии и демонстрации фильмов, в которых осуждается лидер партии большевиков, хотя в их производство инвестировались значительные средства, они демонстрировались по федеральным телеканалам.

Чем это можно объяснить?

Знания о Ленине

На отношение к фигуре Ленина влияют уровень знаний об истории революции и осведомленность о советском мемориальном проекте.

Историю жители России знают все хуже, хотя история революции более известна, чем многие другие события прошлого: тут может сказываться продолжающееся воздействие советского мемориального проекта. Доказательством узнаваемости Ленина является использование его образов в рекламе, которая не вызывает протестов ни у поклонников лидера большевиков, ни у его противников. Реклама представляет собой ироничную игру с мемориальным проектом: канонические образы и высказывания Ленина включаются в иной контекст, что предполагает знание советского канона и создателями рекламы, и ее аудиторией.

«Место памяти» Ленин посещается с разными целями, однако подробная карта этого места известна не всем. Сокращается количество людей, знающих дату рождения Ленина. В апреле 2003 г. 63 % опрошенных дали верный ответ на вопрос ФОМ: «С каким событием в истории нашей страны связан день 22 апреля?». В апреле же 2020 г. число давших правильный ответ сократилось до 47 % (150-летие Ленина, 2020).

Задавался и другой вопрос: «Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слово “Ленин”?». Респонденты вспоминали исторические события, государственные институты, статус лидера революции, его убеждения: «Великая Октябрьская революция, смена власти» – 22 %; «вождь, лидер» – 14 %; «коммунизм, социализм» – 8 %, «СССР» – 6 %; «основатель СССР, его руководитель» – 4 % (Там же).

Другие опрошенные вспоминали не Ленина, а мемориальный проект и свое участие в нем: «детство, юность, моя жизнь, ностальгия по советской жизни» – 13 %; «октябрюта, пионеры, комсомольцы» – 10 %; «лозунги» – 5 %; «Мавзолей» – 5 %; «портреты, памятники, названия городов, улиц, площадей» – 2 %; «день рождения В. Ленина» – 1 %. Лишь 5 % затруднились дать ответ, а 7 % заявили, что Ленин не вызывает у них никаких ассоциаций. Память об историческом деятеле, предполагающая знание истории революции, заслоняется памятью об известном мемориальном проекте. «Место памяти» становится и местом памяти о месте памяти, памятник более известен, чем событие, которому он посвящен.

Это связано с деактуализацией памяти о Ленине, нежеланием современных акторов эту память использовать как полезный инструмент идентификации. Почему это «место памяти» не воспринимается как важный ресурс, как инструмент конструирования идентичностей?

«Антиреволюционный консенсус» и память о Ленине

Академик А. О. Чубарьян, многие годы возглавлявший Институт всеобщей истории Российской академии наук, выступая 18 февраля 2017 г. в зале церковных соборов московского Храма Христа Спасителя на конференции, приуроченной к 150-летию начала революции, сказал: «Нужна прививка против революции, а прививка – это исторические уроки, осознание того, что принесла наша российская революция» (цит. по (Капустин, 2019, с. 29)). Это мнение разделяли присутствовавшие в храме ученые, иерархи церкви, чиновники.

Такое настроение присуще не только «верхам»: согласно опросам, более 90 % жителей России полагают, что революции следует избежать любой ценой (Октябрьская революция..., 2017). В этом отношении большинство разделяет мнение В. В. Путина, который, выступая в Государственной Думе в марте 2020 г., заявил: «Россия свой план по революциям выполнила» (Россия выполнила..., 2020). Исследователи пишут об «антиреволюционном консенсусе», сложившемся в России [Колоницкий, Мацкевич, 2018]. Большинство наших респондентов с этим согласны, некоторые и сами употребляли данный термин⁴.

Нежелание людей разных взглядов стать участниками новой революции ограничивает спрос на перемены, хотя в последние годы и наблюдается запрос на преобразования. Антиреволюционный консенсус порой объясняется пропагандой сторонников статус-кво. Страх перед «цветными революциями», распространявшийся правительственными и проправительственными СМИ, усиливал подобные настроения, особенно после 2014 г., но появление антиреволюционного консенсуса нельзя объяснить только этим. Отрицание революции как инструмента преобразований присуще и оппонентам нынешней власти, к тому же рост антиреволюционных настроений наблюдался в России с середины 1990-х гг. Это можно объяснить разочарованием в сценарии быстрых и радикальных общественных преобразований, что было следствием болезненной реакции на социально-экономические проблемы той поры.

Антиреволюционный консенсус влияет на тактику делегитимации большевиков. В 1990-х гг. многие антикоммунисты утверждали, что Ленин совершил «переворот»: например, в начале 1995 г. ЛДПР внесла законопроект, признающий события 7 ноября 1917 г. «государственным переворотом». Для антикоммунистов демократической ориентации Октябрьский «переворот» противопоставлялся подлинной революции – Февральской. Отрицание революции как перспективы развития меняет плоскость дискуссии, делая менее актуальным противопоставление революции и переворота: немало людей, положительно относящихся к Февралю или даже к Октябрю, не желают революции в будущем. Они поддерживают сохранение советского мемориального проекта, но революционная теория не представляется им актуальной и полезной. Попытки демонтировать советский мемориальный проект, организовать «ленинопад» в России воспринимаются как проявление революционного радикализма в сфере символической политики, а потому осуждаются.

Трагический опыт истории XX в., проявлявшийся и в уничтожении различных культурных объектов, заставляет настороженно относиться к любым попыткам борьбы с памятниками. Если в одних странах памятники Ленина уничтожаются наряду с отрицанием иных символов имперского прошлого (к числу которых могут быть отнесены и памятники русским писателям), то антикоммунистически настроенным поклонникам Российской империи сложно поддержать подобные антиимперские акции, даже если они направлены против советской символики.

Памятники Ленину иногда подвергаются нападениям, однако планы демонтажа монументов и акции по разрушению памятников Ленину не пробуждают значимых дискуссий. Показателен проект, инициированный филологом из Санкт-Петербурга Ю. В. Балаксиной. В 2017 г. она организовала флэшмоб: люди фотографировались у памятников Ленину с плакатом: «Нам надо расстаться». Эта акция не привлекла большого внимания, большинство опрошенных нами экспертов о ней не знали.

Не вызывают дискуссий и новые памятники Ленину: в отличие от новых памятников Сталину, они привлекают внимание лишь тогда, когда открытие сопровождается каким-либо забавным происшествием. Это отличается от установки памятников вождям Белого дела: они вызывают горячие споры, достаточно вспомнить попытку установить в Санкт-Петербурге мемориальную доску адмиралу А. В. Колчаку.

Память о репрессиях в СССР и Сталине провоцирует более острую реакцию, чем память о революции и мемориальный проект «Ленин».

Память о Ленине и политические эмоции

Если верить нашим информантам, то многие из них накануне 2017 г. не ждали ничего от юбилея революции, не размышляли о сценариях его проведения. Так говорили даже некоторые люди, творчество которых посвящено истории начала XX в. Можно ли верить таким воспоминаниям? Во всяком случае показательно, что после завершения юбилейного года свои ожидания наши собеседники описывали именно так: памятные мероприятия оставили их равнодушными. Другие информанты чувствовали разочарование: от юбилея они ожидали появления интересных книг, креативных интернет-проектов, мемориальных акций властей. Их ожидания были обмануты.

Тексты, образы, акции 2017 г. их не поразили, они не пробуждали споры, не вызывали ни восхищения, ни ярко выраженного отторжения. 100-летний юбилей революции мало чем запомнился, уже в 2018 г. его редко вспоминали. Эксперты порой с трудом могли назвать тексты, выставки, постановки, медийные проекты юбилейного года. Не было и общих воспоминаний о юбилее; представители разных профессиональных, возрастных, культурных групп указывали различные акции.

Лев Данилкин, например, предложил биографию Ленина, адресованную своим сверстникам, родившимся в 1970-е и 1980-е гг. Эта интересная попытка актуализации образа лидера революции не была в то же время его идеализацией [Данилкин, 2017]. Автор получил престижную литературную премию «Большая книга», но книга не пробудила горячих споров, а большинство наших респондентов об этом издании не упоминало, хотя некоторые собеседники оценили ее высоко.

В интервью звучала мысль, что история революции, частью которой является биография Ленина, не вызывает интереса у россиян, прежде всего у молодых людей. Даже в тех случаях, когда они читают о революции, смотрят телепередачи и фильмы, их отношение к ней не является эмоционально окрашенным. История 1917 г. остается «всего лишь» далеким уже прошлым, неактуализированной историей. Память о событиях революции остается расколотой, но она является эмоционально «холодной».

Некоторые эксперты подтверждают, что память о Сталине более актуальна и эмоционально значима, чем память о Ленине. Одна из наших информанток (преподаватель высшей школы, 49 лет), участвовавшая в кампании за демонтаж памятников Ленину, призналась: *«Все-таки, борьба-то... А, ну, про Сталина, битва-то идет еще, все-таки, за Сталина, а не за Ленина, в основном-то...»*. Другой эксперт высказывает схожие идеи: *«...для нас абсолютно живым остается Сталин и совершенно исчез, полностью Ленин. Потому что Ленин существует только в... пространстве, в идеологическом, а государство он... Ну, он фактически его не строил. Поэтому его из этой памяти... Ну, люди что-то говорят, вспоминают, был какой-то такой святой, он чего-то все правильно делал и так далее. Но когда начинают оценивать сегодняшний день, Ленина для сравнения никогда не привлекают»* (м., социолог, 69 лет)

Ленин порой упоминается лишь как предтеча Сталина, именно последний предстает центральной фигурой повествования. Так, Николай Эппле пишет преимущественно о сталинских репрессиях, хотя автор и призывает к выносу останков Ленина и Сталина с Красной площади [Эппле, 2020, с. 540].

Эмоциональному «разогреву» памяти о Ленине препятствует и ее неиспользование властью: в конструируемой ею политической генеалогии для вождя революции места нет. Наш информант, писатель, реализовавший в 2017 году медийный проект, объясняет, почему деятели эпохи революции не попадают в исторический «пантеон» политической элиты: *«И в этот иконостас никоим образом не вписывается ни Керенский, ни Николай II, ни даже Ленин, потому что и он тоже разрушил империю. Уже Сталин – вписывается, потому что он восстановил империю, а Ленин – не вписывается. Поэтому просто не нужно никаким образом это никому, это просто бесполезная дата, на которую не стоит затрачивать усилий»*.

Проблема эмоциональной нагруженности памяти о Ленине возникала и в связи с некоторыми вопросами массовых опросов, которые мы воспроизводили в своих интервью. Мы спрашивали экспертов о том, какой могла бы быть их позиция во время революции, задавался вопрос о той позиции, которую предки наших собеседников занимали в 1917 г. Наши информанты не отождествляли себя со своими предками, им были ближе другие политические акторы

эпохи революции, идеологическая генеалогия не обнаруживает связи с родословной семьи. Отсутствие ощущения личной, семейной, «теплой» связи с историей революции влияет на «температуру» эмоционального восприятия исторического события и его основных акторов (большинство высказываний наших собеседников о революции 1917 г. не были как-либо окрашены эмоционально). Коммуникативная память о революции в России прерывалась гораздо раньше — еще в 1920–30-х гг., когда рассказы о прошлом могли стать причиной репрессий по отношению к тем, кто пытался память сохранить, передать потомкам. В более спокойный период советской истории (1960–80-е гг.) передача памяти была идеологизирована и формализована, что, скорее, вызывало у младших поколений отторжение и нежелание ее сохранять и воспроизводить.

Сейчас же уход носителей коммуникативной памяти ведет к тому, что люди все меньше отождествляют себя с революцией, несколько респондентов, приверженцев разных политических взглядов, высказывали схожее мнение. Правда, среди опрошенных нами экспертов не было потомков эмигрантов «первой волны», не было среди них и потомков казаков. Восприятие революции в этих группах могло быть более личным и более эмоциональным.

«Холодность» памяти о революции объясняется и тем, что в сегодняшней России ни одна политическая сила не использует активно и креативно тему Октября (и Февраля) для символического выражения своей идентичности, для придания легитимности своим притязаниям. Даже юбилейные акции Компартии Российской Федерации выглядят как защита советского мемориального проекта от нападков политических оппонентов. Один из видных деятелей КПРФ указал в беседе с нами: *«То есть, как только в стране начинают идти дела социально-экономические плохо, у нас сразу возникает тема того, что надо перезахоронить Ленина, надо, прямо-таки срочно, какой-нибудь очередной памятник передвинуть, и так далее. Мы вынуждены тоже на это дело реагировать, хотя понимаем, что в значительной степени это отключение внимания политически активной части общества на проблемы, которые сейчас, в настоящий момент актуальными не являются»*. Наш собеседник указывает на оборонительный характер действий коммунистов, которые реагируют на действия своих оппонентов, но не предлагают оригинального проекта интерпретации прошлого.

Заключение

Ленин известен жителям современной России, при этом большая часть населения имеет устойчивое мнение относительно его исторической роли. Люди, получившие образование после распада СССР, знают о революции и Ленине значительно меньше, чем их родители, но и сейчас средний житель России не может не знать о Ленине хоть что-то. Если использовать метафору Пьера Нора, можно утверждать, что место памяти «Ленин» хорошо известно и часто «посещается»: Ленин цитируется, его имя используется как политический маркер и политический аргумент. Продолжающиеся попытки десакрализации Ленина и противодействие им, казалось бы, свидетельствуют о том, что память о лидере коммунистов продолжает считаться неким ресурсом политической мобилизации.

Вместе с тем этот ресурс ограничен. Высказываемые президентом РФ негативные оценки роли Ленина затрудняют применение антиленинской темы политической оппозицией, ограничивают использование ресурса антикоммунистической традиции, игравшей большую роль в 1990-е гг. Все меньше становится и политических акторов, готовых отождествлять себя с лидером большевистской революции, а коммунисты и другие сторонники вождя ограничиваются оборонительными и ритуальными акциями, воспроизводящими, консервирующими советский мемориальный проект, воздерживаясь от креативных инноваций.

И Ленин, и память о революции не пробуждают сильных эмоций, в отличие от темы репрессий и памяти о Великой Отечественной войне. Ленин менее актуализирован в современных дискуссиях, чем Сталин.

Память о революции и Ленине разделяет жителей страны, но она не влияет на линии общественного раскола и не совпадает с ними. Отсутствие сильных эмоций по отношению к деятелю, символизирующему революционный проект, порождает ироническое отстранение, которое проявляется в распространенном и узнаваемом шаржировании Ленина, в шутовском использовании его образа в рекламе. Тиражирование «снижающих» образов Ленина подменяет его демонизацию, затрудняет ее.

«Холодная» память о Ленине может «разогреться»: попытки организации «ленинопада» в России поднимут градус общественных дискуссий, хотя и не все противники этой «иконоборческой» акции являются поклонниками вождя революции.

Ленин как культурный проект «жив», хотя живет он новой, не всегда предсказуемой жизнью. Невозможность разрушения советского мемориального проекта поддерживает жизнь этого «места памяти», а попытки его силового демонтажа придадут новые смыслы памяти и о вожде, «место памяти» в этом случае заживет новой жизнью.

Не вследствие прямых атак на советский мемориальный проект, а из-за равнодушия к истории революции и отрицания перспектив революционного проекта это место все реже посещается и используется. Существованию этого российского «места памяти» угрожают не разрушение, а забвение и эмоциональное отстранение.

Примечания

¹ О переосмыслении символа Октябрьской революции во время перестройки и в постсоветской России см. [Малинова, 2015, с. 32–68].

² «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества!.. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны» (Ответы президента РФ..., 2012); «...пора твердо сказать: <...> не будет ни революций, ни контрреволюций» (Послание Президента РФ..., 2001). См. также негативную оценку Ленина как создателя СССР в выступлении в январе 2016 г. (Заседание Совета по науке и образованию, 2016).

³ АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 5.09.2016.

⁴ Лишь один из опрашиваемых нами людей, психолог по профессиональной подготовке, не был с этим согласен. Это связано с его трактовкой термина «консенсус».

Список источников

150-летие Ленина // ФОМ. 2020. 22 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14381> (дата обращения: 30.06.2022).

Большая пресс-конференция Владимира Путина [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2021. 23 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67438> (дата обращения: 27.06.2022).

Владимир Ленин [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2017. 19 апреля. URL: <https://www.lewada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin/> (дата обращения: 2.07.2022).

Война памятников: в Украине сносят Пушкина, на захваченных Россией территориях ставят Ленина [Электронный ресурс] // Аналитический интернет-портал. 2022. 24 июня. URL: <https://bit.ly/3ueSrKU> (дата обращения: 29.06.2022).

Заседание Совета по науке и образованию [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2016. 21 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51190> (дата обращения: 30.06.2022).

Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2019. 10 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62285> (дата обращения: 1.07.2022).

Капустин Б. Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 137 с.

Ленин жив?.. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2022. 19 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lenin-zhiv> (дата обращения: 30.06.2022).

Ленин жил, Ленин жив, Ленин...? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2016. 20 апреля. URL: <https://bit.ly/3y5JBQE> (дата обращения: 30.06.2022).

Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2022. 21 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828> (дата обращения: 28.06.2022).

Октябрьская революция: 1917–2017 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2017. 11 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolyucziya-1917-2017> (дата обращения: 2.07.2022).

Ответы Президента РФ на вопросы членов Совета Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2012. 27 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/15781> (дата обращения: 29.06.2022).

Послание Президента РФ Федеральному собранию [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2001. 3 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21216> (дата обращения: 1.07.2022).

«Россия выполнила свой план по революциям», – заявил Путин [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2020. 10 марта. URL: <https://ria.ru/20200310/1568386357.html> (дата обращения: 28.06.2022).

Самые выдающиеся личности в истории [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2021. 21 июня. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 30.06.2022).

Ценностная солидаризация и общественное доверие в России [Электронный ресурс] // ЦИР-КОН. 2019. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact#rec89852560> (дата обращения: 29.06.2022).

Библиографический список

Аксенов В.Б. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8, no. 2. P. 455–472.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Великанова О. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Edwin Mellen Press, 2001. 284 с.

Данилкин Л.А. Ленин: пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 784 с.

Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // *Вестник С.-Петербур. ун-та. Язык и литература*. 2018. Т. 15, вып. 4. С. 605–617.

Кертман Г. Уроки истории в школе. «Чтобы дети знали, что хорошо, а что – правда» [Электронный ресурс] // *ФОМ*. 2014. 27 мая. URL: <https://fom.ru/blogs/11510> (дата обращения: 20.06.2022).

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.

Колоницкий Б.И. «Революционные имена»: русская антропонимика и политическое сознание // *Политическая история России XX века: к 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр.* СПб.: Изд-во РГПУ им.Герцена, 2011. С. 341–359.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: НЛЮ, 2017. 520 с.

Колоницкий Б., Мацкевич М. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // *Мир России*. 2018. № 27(4). С. 78–101.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. С. Сухарева. СПб.: Академический проект, 1997. 288 с.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М.: НЛЮ, 2007. 589 с.

Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.

Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Koeln: Böhlau, 1987. 379 S.

Kolonitskii B. “Revolutionary Names”: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // *Revolutionary Russia*. 1993. Vol. 6, no. 2. P. 210–228.

Les sites de la mémoire russe. T. I: Géographie de la mémoire russe / G. Niva (Dir.). Paris: Fayard, 2007. 856 p.

Nora P. Comment écrire l’histoire de France? // *Nora P. (dir.). Les lieux de mémoire. T. III. Les France. Vol. I. Paris: Gallimard, 1992. P. 11–32.*

Olick J.K. “Collective memory”: a Memoir and Prospect // *Memory Studies*. 2008. No. 1(1). P. 23–29.

Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1983. 315 p.

Velikanova O. *Making of an Idol: on Uses of Lenin*. Gottingen: Muster-Schmidt Verlag, 1996. 181 p.

Yurchak A. The Canon and the Mushroom Lenin, Sacredness, and Soviet Collapse // *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. No. 7 (2). P. 165–198.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.06.2022

LENIN AS A “SITE OF MEMORY” OF POST-SOVIET RUSSIA. MEMORY ABOUT POLITICS AND MEMORY ABOUT THE MEMORIAL PROJECT

B. I. Kolonitskii

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, 191187, St. Petersburg, Russia

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 191187, St. Petersburg, Russia

Boris_i_kol@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9862-170X

Researcher ID: E-7279-2015

Scopus Author: 25625139000

M. G. Matskevich

Sociological Institute, Federal Scientific Research Center, Russian Academy of Sciences, 7th Krasnoarmeyskaya str., 25, 191187, St. Petersburg, Russia

m.matskevich@socinst.ru

ORCID: 0000-0003-1310-3466

ResearcherID: Q-1119-2017

Scopus Author: 6508215994

The article discusses the history of the communist memorial project, with Vladimir Lenin at its core. A theoretical framework is based on the concepts by Pierre Nora (‘sites of memory’) and Jan Assmann (‘cultural memory’ and ‘communicative memory’). The data sources are public opinion polls, transcripts of state officials’ speeches, media coverage, and expert interviews conducted by the authors themselves. The cult of Lenin, which was important for the formation of Soviet identity, was sometimes an outcome of conflicts and compromises, employed in the most unpredictable ways. Opponents and open adversaries of the communists indirectly participated in its construction. The authors offer their explanations for the fact that today the memory of both Lenin and the Revolution is not perceived as a viable resource by any prominent political actor in Russia. Contemporary Russian society is divided in assessing Lenin’s historical role, but the majority of citizens oppose the dismantling of the Soviet memorial project. The memory of Lenin is associated not with historical events, but with the Soviet memorial project instead. The “anti-revolutionary consensus” also influences attitudes towards this memorial project: the majority of Russians reject the revolution as a country’s prospect, they also reject symbolic politics regarded as revolutionary. This also blocks the radical dismantling of the Soviet memorial project. Lenin and the 100-year-old revolutionary events do not evoke vivid and strong emotions, unlike memories of repression or the Great Patriotic War.

Key words: lieux de mémoire, sites of memory, Lenin, cult of Lenin, Soviet memorial project, cultural memory, communicative memory, ‘anti-revolutionary consensus’.

References

Aksenov, V.B. (2020), “Lenin’s images in visual satire and reasons for a collapse of anti-Bolshevik propaganda”, *Quaestio Rossica*, vol. 8, № 2, pp. 455–472.

Assmann, J. (2004), *Kul’turnaya pamyat’: Pis’mo, pamyat’ o proshlom i polit. identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity], *Yazyki slavyanskoy kul’tury*, Moscow, Russia, 363 p.

Danilkin, L.A. (2017), *Lenin: pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: The Pantocrator of Solar Dust], *Molodaya gvardiya*, Moscow, Russia, 784 p.

Ennker, B. (1987), *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*, Böhlau, Koeln, Germany, 379 s.

- Epplée, N. (2020), *Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [The uncomfortable past: memory of the state crimes in Russia and other countries], NLO, Moscow, Russia, 576 p.
- Kalinin, I.A. (2018), "How Lenin's language is made: the material of history and the reception of ideology", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Yazyk i literatura*, vol. 15, № 4, pp. 605–617.
- Kertman, G. (2014), *Uroki istorii v shkole. «Chtoby deti znali, chto khorosho, a chto – pravda»* [History classes at school. "To let children know what is good vs. what is the truth"], available at: <https://fom.ru/blogs/11510> (accessed 20.06.2022).
- Kolonitskii, B. (2017), «*Tovarishch Kerenskiy*»: *Antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda)* ["Comrade Kerensky": the anti-monarchist revolution and formation of the "leader of the people"'s cult (March–June 1917)], NLO, Moscow, Russia, 520 p.
- Kolonitskii, B. (1993), "'Revolutionary names": Russian personal names and political consciousness in the 1920s and 1930s", *Revolutionary Russia*, vol. 6, № 2, pp. 210–228.
- Kolonitskii, B. (2011), "'Revolutionary names": Russian anthroponymy and political consciousness", in *Politicheskaya istoriya Rossii XX veka: K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva* [Political history of Russia in the 20th century: on the 80th anniversary of professor Vitaly Ivanovich Startsev], Izd-vo RGPU, St. Petersburg, Russia, pp. 341–359.
- Kolonitskii, B. & M. Matskevich (2018), "The desacralization of revolution and anti-revolution consensus in modern Russia: the 2017 anniversary and its (non-)use in politics", *Mir Rossii*, vol. 27, № 4, pp. 78–101.
- Kozlov, V. A. (2010), *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)* [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)], ROSSPEN, Moscow, Russia, 462 p.
- Malinova, O. (2015), *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The actual past: symbolic politics of a ruling elite and dilemmas of Russian identity], *Politicheskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia, 207 p.
- Niva, G. (ed.) (2007), *Les sites de la mémoire russe*, T.I: Géographie de la mémoire russe, Fayard, Paris, France, 856 p.
- Nora, P. (1992), "Comment écrire l'histoire de la France?", in Nora, P. (dir.), *Les lieux de mémoire, T. III, Les France*, vol. I, Gallimard, Paris, France, pp. 11–32.
- Olick, J. K. (2008), "Collective memory": A memoir and prospect", *Memory Studies*, № 1(1), pp. 23–29.
- Schenk, F.B. (2007), *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoy, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: the saint, the ruler, and the national hero (1263–2000)], NLO, Moscow, Russia, 589 p.
- Tumarkin, N. (1983), *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*, Harvard University Press, Cambridge (Mass.), USA, 315 p.
- Tumarkin, N. (1997), *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetsкой Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia], Akademicheskii proekt, St. Petersburg, Russia, 288 p.
- Velikanova, O. (1996), *Making of an Idol: on Uses of Lenin*, Muster-Schmidt Verlag, Gottingen, Germany, 181 p.
- Velikanova, O. (2001), *Obraz Lenina v massovom vospriyatii sovetskih lyudey po arhivnym materialam* [Lenin's image in mass perception of the Soviet people by archival materials], Edwin Mellen Press, Lampeter, Lewiston, USA; Canada, 284 p.
- Yurchak, A. (2017), "The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse", *Hau: Journal of Ethnographic Theory*, № 7 (2), pp. 165–198.